

Рассказы о раскулачивании

Их родители были обычные русские крестьяне. Они жили в больших семьях, где было много детей, где все работали с утра до ночи. Но когда в СССР стали создавать колхозы, этих крестьян называли кулаками и вместе с детьми сослали на Север или в Сибирь. Вот что они рассказывают.

Анохина Екатерина Гавриловна, 1923 г.р. В 10-летнем возрасте вместе с раскулаченной семьей выслана на север, где в течение года родители умерли от голода. Екатерина сменила несколько детских домов. Окончила педагогический техникум. Живет в Воронеже.

Кузьмина Татьяна Петровна, 1921 г.р. Из семьи раскулаченных крестьян. В 1930 г. семья выслана на Урал. Работала на мебельной фабрике. Живет в городе Кропоткин, Краснодарского края.

Микляева Мария Максимовна, 1923 г.р.. В 1931 году семья раскулачена и выслана в Казахстан. Работала учительницей в школе. Живет в Воронеже.

Смирнова Нина Фоминична, 1926 г.р., вместе с раскулаченной семьей выслана в Красноярский край. Работала в детском саду. Живет в городе Кропоткин, Краснодарского края.

Фролова Мария Андреевна, 1921 г.р., из семьи кулаков, отец был арестован и расстрелян. Участница 2-й мировой войны. Работала школьной учительницей географии. Живет в селе Новый Курлак, Воронежской области.

Харечко Антонина Семеновна, 1918 г.р. В 1930 году вместе с раскулаченной семьей выслана на Север, в Архангельскую область. Через год им удалось бежать и добраться до дома, но в тот же день все были высланы повторно. В ссылке отец умер. Работала в колхозе станицы Роговская Краснодарского края.

Микляева:

По словам родителей, я не помню этого, но родители рассказывали, что жили одной большой семьей, примерно э-э-э до сорока человек, вот так жили. В огромной избе, которая называлась связью. В общем, одни сени, а по обе стороны этих сеней просторные избы. Вот там и жили. Ну, пятеро сыновей, у них были свои семьи, у сыновей свои семьи. Одним словом, до сорока человек доходило.

Смирнова:

Кто работает на земле, тот прекрасно знает, какой это адский труд. Кормили эту семью только своим трудом, а детей было, я же говорю, десять человек. Ну двое потом подросли, так умерли, надо было и семью кормить, и налоги платить за арендованную землю, ясное дело, что платили налоги. Ну, питались - не голодные были, а носили холщовые одежды, как стали раскулачивать в тысяча девятьсот тридцатом году, так мама покупала кусочки ситца – это у нас для праздника были такие платишки из ситца, так повязала нам на животики – нас трое было – двадцать шестого я года, двадцать пятого сестра и двадцать четвертого, а те постарше все остальные. Она нам, малышам, на животики повязала эти кусочки ситца, вот они и спаслись на нас, с нас не сняли. А с папы и валенки с ног сняли, как раскулачивали.

Микляева:

Ну, (вздыхает) жили как жили, как все крестьяне, в церковь ходили, молились, веровали в бога, жили по/ в ладу с соседями, с родственниками.

Пришла коллективизация. Теперь Свободное стало колхозом, ну и стали освобождаться от тех, кто был побогаче. То есть окрестили их кулаками и решили, чтобы, начальство, конечно, решило, чтобы не мешали строить новую жизнь, колхоз, раскулачить, выселить. Ну и моя семья попала в этот разряд.

Кузьмина:

А семья большая была, и все погибли с голода. И выходили, знаете что, только со станции выдут, и их тут же расстреливали или возвращали. А кто – я не знаю!

Фролова:

И.О. – Этим, кто этим занимался?

М.Ф. – Сельсовет. Бедняк, комитет бедноты, такие были комитеты бедноты.

И.О. – А кто в них входил и как?

М.Ф. – Самые последние люди, лодыри, которые никогда не работали, они ничего не имели никогда, они самой, самые последние люди. Вот они тогда были на высоте.

Харечко:

Ну комсоды были тогда. Комсоды были в стансовете Станосвет був мабуть долго (нрзб) той. Ну вот тут где ото колхоз той. Був оце той тут. Там був стансовет там, и там отож заседали воны, решали судьбу ж ото людей и выслали ж. Погрузили и на Брюховецкую. А в Брюховецкой то там. Туды нас возили уже богато семей. Ничего не брать. Усе позаб/ усе осталось, все. Все забрали. Приехали пидводы, ще поки и дома были. И подушки, и машинка швейна була ж така ножная, и подушки и столы хороши булы там тож покупили воны. Все. Забрали все и на рынку поценилы.

(Комсоды были тогда. Комсоды были в стансовете. Там был стансовет и там заседали они решали судьбу людей и выслали. Погрузили и на станцию Брюховецкую. Туда нас свезли уже много семей. Ничего не брать. Все осталось, все. Все забрали. Приехали подводы. Еще пока мы дома были, и

подушки, и машинка швейная была такая ножная, и подушки, и столы хорошие были, забрали все, и на рынке продали).

Микляева:

Головной платок-то не срывали с головы. Ну, а вот лишние юбки – это снимали, и с матери. Ну, три юбки надеть, чтобы, это самое, сохранить-то. Ну, и такие были дотошные, такие были приверженцы новой жизни, что заставляли, сними-ка две лишних юбки, одной тебе хватит. Да?

А.К. А что это были за люди?

М.М. Да свои же односельчане. Лодыри, которые не хотели на своей земле работать. Батраки.

Кузьмина:

Вот. И потом дело дошло до нас. Что "с печки слезайте!", а мы: "нет!", "слезайте!", а мы в рев. Вот, все, залазит один, никак, вот, а потом, давай, берут кочергу и оттуда кочерёжкой нас, понятно? По одному вытаскивают, из дома выносят и "во дворе будьте!" Понятно? Во дворе будьте.

И так у нас все забрали, вот, мама из церкви прибежала, там сказали, что ваш этот раскулачивают.

Анохина:

И что ж, как помню я, был солнечный ясный день. Приходит к нам в галифе, с какой-то книгой, журналом и говорит: «Собирайтесь». Мать говорит: «Куда?» «На выселки». Мать заголосила, сестра заплакала. Мы все, я за свой ящик железный, куклы, ну что, шесть лет только, что это. Ну, это ладно. Посадили нас на телегу, и на Графскую, отец уже на ходу прыгал.

И мы, то поезд едет вперед, вперед, вперед, вперед, а потом назад, назад, назад, вперед, вперед, вперед до Котласа. Как мы добирались, сколько мы добирались, это я не понимаю, не знаю. Приехали в Котлас, посадили нас на баржу.

Смирнова:

Посадили нас в сани, малышей, в сено да в лохмотья наши какие-то, в чем стояли, в том нас вывезли на станцию полураздетых, полуразутых. Дак помню и сейчас, как взрослые бежали за санями, а мороз такой, что инеем покрывалась голова вся, и люди белые, эти головы белые, ледяные перед моими глазами, сейчас помню. И как мы кричали в этих санях – мы ж там и мокрые были, не только холодные, и мороз за пятьдесят был, так мы кричали по-страшному. Сейчас вот проснусь ночью и думаю, как же мамино сердце терпело, глядя на нас. (Плачет).

Микляева:

Вот когда выселили из избы, деда в тюрьму посадили, Федула Терентьича, Максима с семьей отправили в Акмолинск, осталась одна бабушка, Устинья Алексеевна. Ей разрешили оставаться в ее доме, в ее избе, в нашей избе, хотя бы ночевать. А в этой избе, в большой, в просторной, устроили детские ясли.

Ну, и вроде там нянечки, все это свои же соседи, люди-то свои. Ну а они, Кобзевы, вреда никакого не делали, они вроде были в почете, ну и ее держали вроде как нянечку или как просто. Она там уголок на печке занимала, спала, ну, может, ухаживала за ребятишками, как помогала.

Харечко:

И ото там мы прожили сики, а потом отец заболел. Заболел отец, я заболела здорово. Но врач и каже: "Лечитесь, не будете лечиться, помрете тут". И начали люди мерты страшно. И исты ничего, от голоду, шо дадут 200 грамм там и спичечну коробочку там крупы какой-нибудь и все. Поки було шо с дому... А шо було с дому? У нас ничего не було. У нас мешок крупы кукурузяной . Они же усе позабрали. Усе.

(И вот мы там прожили, а потом отец заболел. Заболел отец, и я сильно заболела. Но врач сказал: "Лечитесь, не будете лечиться, помрете". И начали люди умирать страшно. Есть нечего, от голода, дадут там 200 грамм и спичечную коробочку какой-нибудь еды. До тех пор пока было что дома... А что было дома? У нас ничего не было. У нас был мешок кукурузной крупы. Они же все забрали. Все.)

Смирнова:

(Плачет) И вот мы сидели однажды, так же мамы не было, на печечке этой железной, стоял чугунок такой, наверно, полведра как не больше, водичка теплая. Иринка, та, что с двадцать пятого года, говорит – давайте мы посолим и будем кушать. И мы подсолили эту воду, соль была, правда. И мы втроем, девчонки, эту воду съели. Ложками все выхлебали, наелись, называется. Конфеты у нас были – сосульки с крыши.

Анохина:

На сороковой день умирает мать. Вот мы около матери-то сидели. А как раз мы на печке сидели с братиком, она искала нас глазами и мы на печке. Она нам дала знать, что слезьте с печки и сядьте около нее. Мы поняли и слезли с печки и сели около нее.

Она на сестру глядела, она говорит, она не говорит, а уже язык отнялся и глядит на меня, она меня все время в лоб: «Ух, окаянная ! В каждой дырке гвоздь !» Она, и я ее, можно сказать, в детстве я ее не любила, она меня все понукала, вот так то. Она, мол не обижай детей и все.

Мать умерла. Хоронить не в чем. Три года износилась. Платок, говорит, постирать нечем. У нас мыла нету, платок так повернул – дыра, на другой конец повернул – дыра, на третий повернул, на четвертый. Никак не могу покрыть , как ее покрыть то, не в чем хоронить.

Смирнова:

Посадили нас под комендатуру, кроме нас, малышей, всех совершеннолетних, прокуратура надзидала за нами, комендатура была, ходили отмечаться каждую неделю. И я бегала с мамой вместе в комендатуру, не имели права выйти из поселка, сходить на поле, хоть где колосок поискать или гнилую картошину не

имели права, нам не разрешали, так какие мы были поселенцы, это так только за преступниками надзирали, как за нами. (Плачет)

Анохина:

И вот, что ж. Они, Миша, Дуня, вот, младший Федя, три годика, но тогда ж ему было лет, наверное, пять, около шести, я не знаю, какого он месяца рожден, вот. Мы задумали бежать на родину. Сказали: «Милиционера в поселке нет». Когда милиционера в поселке нет, у нас там, например, люди бегут.

Мы ждали, ждали, конечно, там ночи белые. Мы не дождались. Мы поняли, что нас бросили. Мы же слышали. Мы поползли, мы не могли идти, мы поползли и вдруг нас встречает, как я поняла, он с ружьем, я думаю, что он охотник. Может, лет сорок пять, может, больше, может, меньше, но как вот сейчас я думаю, вот. И он хорошо по-русски разговаривает и говорит: «А вы одни?» Понял, что бросили. «Да ушла, Дуня ушла и Миша ушли» «Куда?» «Они ушли в Пожег, побираться ушли, что бы нам кусочки принести». Ну, он понял, что бросили.

Харечко:

И мы, той, решились, решилась мать и пошли мы. Пошли и дошли мы до Шарьи. Пешком. Ишли три мисяцы до Шарьи. С того, ото из того ж лису, до Архангельска, Котлас, до Котласа еще ж не дошли. Ну и пришли сюда, уже в станицу. Тике мы у обид, после обид пришли, до вечера уже в стансовете знали, что мы явились. И сказали, распишиться и никуда вы ни той. Под расписку распишиться. И нас опять, забрали и опять повезли. (смеется). Вторичный раз. А жрать же ничего нема. Мы ж пришли, и с пустым сумочкою и с пустою, де ишли да выпросили шо де, а кто так сам дасть там кусок хлеба или там, один дядька у тому ж, та ей дал три рубля. Ой! Сколько много денег дал дядьку, три рубля (смеется). Ой, ото так. А тут побулы мы трошки и нас забрали и опять повезли в Ставрополь на высылку. И опять уже мы в Ставрополе. Там мы отсидели карантин, четырнадцать суток, а потом нас по бригадах раскидали и пошли мы хлопок собирать. Ото так.

(И мы решились, решилась мать и мы пошли. Дошли мы до Шарьи пешком. Шли три месяца С этого леса до Архангельска, до Котласа. Ну и пришли уже в станицу. Только мы в обед пришли, до вечера в стансовете знали, что мы явились. И сказали, распишитесь. И нас опять забрали и опять повезли. Второй раз. А жрать же ничего нет. М ж пришли с пустой сумочкой. Где шли и выпросили что, где кто так сам даст кусок хлеба или там один дядька ей дал три рубля! Ой, сколько много денег дал дядька! А тут побыли мы немножко и нас забрали и опять повезли в Ставрополь в ссылку. И опять мы уже в Ставрополе. Там мы отсидели карантин 14 суток, а потом нас по бригадам распределили и пошли мы хлопок собирать.)

Микляева:

Условия, конечно, были ужасные там, много болели, и вот мы с сестрой заболели дизентерией. Грозилась смерть, лечить, конечно, там никто никого не лечил, и вот как-то отцу, видно удалось выхлопотать разрешение взять нас, детей, оттуда. Ну, написали письмо дедушке, маминему отцу, Василию Андреевичу Мамонову, царствие ему небесное, и он приехал в Среднюю Азию, забрал нас.

Помню, как мы шли пешком из Таловой э-э-э, на/, в поселок, на Крещеновку, где дедушка жил. Помню, как по дороге я сама бежала, шла за дедушкой, а дедушка нес на руках мою младшую сестру, которой было годика четыре, не больше. Помню, дедушка просил милостыню через/, в тех селах, через которые мы проходили. Вот. Помню, как дошли до Хлебородного, как дедушка остановился, заплакал, опустил на землю сестренку, перекрестился и сказал: «Слава тебе, Господи! Я дошел до дома».

Ну, дома, конечно, нас ждали, бабушка, все родственники собрались. Из Соловков привезли детей, это же было событие!

Анохина:

Да, когда мы шли по лесу, лес же ведь и уже грибы мухоморы, они уже скрючились. Он говорит: «Катя, давай я хоть один мухоморчик съем. Я так есть хочу». А я говорю: «Федя, ты же хорошо знаешь, что дядя Гриша умер от мухоморов». Ему наварили, жена с сыном наварили с мухомором, и он на глазах умирал, у детей, у нас. Я на печке сидела, скрючилась, что бы не видеть, как он умирает. Он, крючило его, он от этих мухоморов умер. Они сбежали и вот мы остались. Потом мать умерла, отец умер, мы тоже задумали, они раньше убежали. Бежали по-страшному с поселка. Да, сколько. Ну, конечно, мы пришли. Я говорю: «Говорят, Бога нет». «Нет». Я хочу сказать, Бог есть, только я не хочу плакать, Бог есть. Мы дошли до поселка, (плачет) нас забрали там, встретили (Плачет) Там уже были такие.

Смирнова:

А сейчас все там полегли из великой семьи нашей. На этой фотокарточке двадцать четыре человека только вот, на большой на этой. Так это еще десять человек не хватает. Здесь только Валя похоронена, вот эта, Улина дочка. Да Леня мой, а те все в Сибири, некуда было уезжать.

Микляева:

А.К. - Вот за ваше, когда вы вспоминаете свою жизнь, вы думаете, что самое тяжелое что было, такое ужасное для вас?

М.М. - А-а-а. Да ну вот, разгром семьи. Большая семья, и вдруг все распорхнулись в разные стороны, и даже не смели говорить об этом.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012